

бы весьма неприятно правящему должностъ генералъ-губернатора Курскаго и Орловскаго намѣстничества.

Будучи въ Оболяхъ, турецкій посолъ о взятомъ имъ туркѣ сказалъ графу Везбородко и объяснялъ, что явившійся къ нему человекъ увѣрялъ, что онъ плѣнный турокъ, въ Россіи крещенъ насильно и просить защиты у посла. Узнавъ объ этомъ, А. А. Беклешовъ постарался убѣдить оттоманскаго посла въ томъ, чтобы онъ оставилъ въ Курскѣ взятаго имъ мнимаго или дѣйствительнаго (неизвѣстно) турка. Тотъ согласился.

Когда посолъ уѣхалъ, курскія власти взяли за осмѣливагося прокрасться къ турецкому послу. Его допрашивалъ губернаторъ С. Д. Бурнашевъ и цыганъ сказалъ, что его, будто бы насильно, захватили въ Оболяхъ турки. Нужно сказать, что, принимая во вниманіе суровость тогдашняго времени, Беклешовъ отнесся къ цыгану снисходительно, велѣлъ отдать въ смиренный домъ и „употреблять на городовую работу“. Дѣло, слава Богу, обошлось безъ заплечнаго мастера.

Откупная винная система и преслѣдованіе откупщиками корчемнаго или по мѣстному Курскому выговору—„карчебнаго“ вина были большимъ зломъ въ прежнее время. Разматривая архивные акты Курскаго намѣстничества, можно найти массу документовъ, касающихся *откуповъ*. Изъ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно видѣть, что правители намѣстничества сознавали пагубность для населенія откупной винной системы, хотя, разумѣется, не могли не только искоренить (объ этомъ и помышлять было нечего), но и даже ослабить замѣтнымъ образомъ это зло.

Видѣвъ это зло и А. А. Беклешовъ и въ его распоряженіяхъ найдется не мало строкъ, посвященныхъ заботамъ о томъ, чтобы откупная система не дожилась всею своею тяжестью на бѣдное населеніе. Изъ ряда подобныхъ распоряженій останавливаетъ вниманіе слѣдующее предписаніе, *полное горькой жалобы и досады*.

Вотъ что вынужденъ былъ онъ писать „До свѣдѣнія моего дошло о чинимыхъ корчемному вину выемкахъ *) откупщиками и ихъ повѣренными и примѣчаю я не основательны бываютъ на сіе извѣты откупщиковъ и ихъ повѣренныхъ и неосторожны поступки земскихъ судовъ. Тутъ происходятъ всякія злоупотребленія и беззащитные люди, а особливо однодворцы, терпятъ неслыханныя обиды, притѣсненія и даже совершенное разореніе. Они доведены до того, что стали отъ чинимой имъ наглости защищаться; но это повергаетъ ихъ въ конецъ бѣдствія; ибо за это они, какъ супротивники, подвергаются строгости законовъ. Причиною же безпорядка—сами блюстители законнаго благоустройства: исправники и земскіе суды, въ которые принимается всякій извѣтъ, никакого законнаго основанія не имѣющій, и только по слухамъ, или изъ неопозволительныхъ видовъ. Посланный изъ суда

*) Вынимали „корчемное“ вино у обывателей, предполагая, что они достали его незаконнымъ образомъ, помимо откупныхъ заведеній.

засѣдатель съ повѣренными откупщиковъ обыскиваютъ домъ поселеннаго, а иногда цѣлое селеніе и выворачиваютъ все вверхъ дномъ. Бѣдные же люди, видя разореніе, вступаются за свою собственность, а иногда, не видя ниоткуда защиты, раздражаются даже къ отраженію чинимаго имъ насильства, подъ покровительствомъ судьи—либо откупщикамъ угождающаго, либо своимъ какимъ—либо пристрастіемъ побуждаемаго....

„Необходимо, чтобы нам. правленіе предписало, чтобы земскіе суды не дерзали чинить выемокъ корчемнаго вина иначе, какъ по точнымъ и яснымъ доказательствамъ и свидѣтельствамъ, а не просто, по однимъ только извѣтамъ, и притомъ съ надлежащею осторожностью. При выемкѣ быть самому исправнику или всему земскому суду и о выемкѣ доносить мнѣ и намѣстническому правленію. Въ противномъ случаѣ нам. правленіе должно взыскивать съ виновныхъ по всей строгости законовъ“.

III.

Во время управленія Беклешова въ Курскомъ краѣ были довольно *большія волненія* и такъ называемое *бѣгство малороссіянъ*. Волненія эти, повидимому, были вызваны предстоявшей въ 1795 году новой ревизіей и переписью податного населенія. Уже 4 апрѣля 1794 года, вскорѣ послѣ объявленія о ревизіи, Беклешовъ писалъ земскимъ исправникамъ: „До свѣдѣнія моего доходитъ, что подданные малороссіянне, по случаю повелѣнной мнѣ переписи душъ, снаряжаются, въ противность закону, сойти съ мѣстъ нынѣшняго ихъ пребыванія и уйти въ границы Воронежскаго намѣстничества, *мечтая* въ простотѣ своей, что имъ сіе позволительно и что помѣщики якобы самовластно удерживаютъ ихъ и принуждаютъ на своихъ земляхъ оставаться. Въ случаѣ ухода, малороссіянне подвергаются, яко бѣглецы, наказанію, по государственнымъ узаконеніямъ, а посему для отвращенія всякаго неурядища нужнымъ нахожу я имѣть въ семъ случаѣ прилежнѣйшее наблюденіе и по обстоятельствамъ принять всѣ тѣ мѣры предосторожности, стараясь внушить малороссіянамъ о заблужденіи ихъ и что они подвергаются себя за уходъ наказаніямъ, съ непремѣннымъ возвращеніемъ на прежнее жилище. Обязать также малороссіянъ круговою порукою; по дѣлать сіе въ случаѣ надобности, чтобы не произвести напрасной тревоги“.

Однако предписаніе Беклешова не имѣло успѣха. Движеніе малороссовъ охватило нѣкоторые уѣзды Курскаго края и все малороссійское населеніе было взволновано. Вскорѣ Беклешовъ писалъ Тимеову, Староскольскому, Бѣлгородскому, Корочанскому и Новооскольскому исправникамъ: „Получилъ я свѣдѣнія, что въ разныхъ мѣстахъ и почти въ одно время *поднялись малороссіянне* изъ своихъ селеній со скотомъ и пожитками и бѣгутъ на Воронежское намѣстничество, *) къ *донскимъ станицамъ*. Изъ слободы Халани, Корочанскаго уѣзда, принадлежащей камеръ-юнкеру князю И. Д. Тру-

*) Изъ Воронежскаго намѣстничества малороссы думали пройти на Донъ, считавшійся тогда „вольнымъ“.